

9 АВГ 1985

«НА СМЕНУ»
г. СВЕРДЛОВСК

1985 года «НА СМЕНУ!»

вечерний разговор

Народный артист СССР, лауреат
Государственной премии СССР
Рамаз Чхиквадзе:

И ВЕЛИКОЕ, И СМЕШНОЕ...

«Говорят, Чхиквадзе раньше был оперным певцом...»
«Да, я слышала, он до сих пор иногда выступает...»
(Из разговора в антракте).

Рамаз Григорьевич смеется: — А что, они не так уж далеки от истины! Нет, я никогда не был оперным певцом. Но музыкальные, более того, вокальные «гены» во мне есть. Мой отец — Григорий Захарович Чхиквадзе, профессор Тбилисской консерватории, теоретик. И мать в свое время окончила консерваторию (по вокалу!), продолжала заниматься и начинала работать в Ленинграде.

Мои родители очень хотели, чтобы я стал музыкантом. Малышом меня приняли в группу одаренных детей в Тбилисской консерватории, я занимался фортепиано, но...

Теперь уж Чхиквадзе не очень помнит тот спектакль в ТЮЗе. Кажется, он назывался «Дальней дорогой». Но мир, открывшийся в тот день ему, семилетнему мальчику, удивительный, необычный, так поразили и заинтересовали его, что он решил — буду артистом. Ах, эти детские мечты — сегодня хочу быть летчиком, завтра — пожарником! Рамаз хотел быть артистом — и только. Он, что называется, не вылезал из театра. Пришел в кружок Дворца пионеров, в 14 лет уже начал выступать на сцене. А фортепиано! После нескольких лет занятий он все-таки оставил музыку (так и хочется сказать, что музыка, к счастью, не оставила его). Театр, актерская профессия звали властно, неужели же, — и отец понял это.

Тогда, в те давние юные годы, происходило становление, развитие личности актера и гражданина.

У нас были прекрасные педагоги, — вспоминает Чхиквадзе. — Они не только учили нас профессии, но, главное, воспитывали серьезное отношение, беззаветную любовь к своему делу, самоотверженность в работе. Вот почему, когда меня спрашивают о творческой молодежи, я, в первую очередь, говорю о том, что меня в ней тревожит, беспокоит: некоторое легкомыслие, самоуверенность. Чересчур они (не все, конечно) — «ученые», «все-знающие», а отсюда — гладкие, словно полированные, «сделанные» роли. Смотришь — глазу и душе не за что «зацепиться», взволно-

ваются. Некоторые из них считают, что сегодня можно чуть недоиграть, недодать, а вот уж завтра. Опасное заблуждение! Завтра может не быть. Мне лично недостает в работах молодых фантазии, труда, пота!

Поймите меня правильно, я не против «школы», выучки и так далее. Более того, мне нравятся многие молодые актеры и в нашем театре, и в других. Но ведь от молодежи всегда ждешь чего-то особенного, смелого, неожиданного! Да и профессия наша такая — требует от тебя постоянного поиска, фантазии. Я вам так скажу: лучшей школы, чем школа Станиславского, нет. И все же любая школа — лишь фундамент, опора, на которой ты, актер, должен построить свое, хоть немного, но отличное от других здание.

Мы разговариваем в грим-уборной театра перед началом спектакля «Кавказский меловой круг» Б. Брехта. Знаменитого, всемирно известного спектакля, который за десятилетия существования критиками разных стран восторженно описан и проанализирован, кажется, «по кадрам». Как и одна из самых ярких работ в нем — Аздак в исполнении Р. Чхиквадзе. Совсем скоро 500-й спектакль. Уж, кажется, можно привыкнуть — и не повторяться.

Нет, к этому привыкнуть нельзя, — говорит Рамаз Григорьевич. — Выход на сцену, к зрителям — твой вечный экзамен, перед которым всегда волнуешься. Без этого нет искусства, тем более театрального, которое творится в живом общении с залом: ты должен послать зрителю мощный заряд вдохновения, энергии. И тогда дыхание зала, его реакция, волнение передадутся тебе, актеру, и наполнят новой силой и фантазией. Это — театр!

И вот он на сцене, старый пьяница и плут Аздак, не утративший, однако, совести, судья-клоун, легкомысленно строящий свой праведный суд. Ах, какое наслаждение следить за каждым его жестом, ужимкой, шагом! Как велик соблазн описать интонации его голоса (ну, хотя бы то, как он произносит имя Жу-

жу-на...), его мимику, когда в лице «играет» все — глаза, брови, губы, каждый мускул. А его бельканто — это же поистине концертный номер! Аздак дурачится, трусит, негодует, издевается, радуется — но ни на минуту актер не дает нам забыть о том, что именно он, деревенский бедняк и шут в лохмотьях и драной шапке, творит в итоге добро и справедливость.

Глядя на Чхиквадзе в этой роли, вспоминаешь слова Федерико Феллини о том, что клоунский дар — признак высочайшего артистизма.

В искусстве Рамаз Чхиквадзе поражает сочетание, казалось бы, несочетаемого: глубокий психологизм и эксцентрика, естественность и гротеск. И, может быть, самым ярким образом это проявилось в его знаменитом Ричарде III. Кажется, об этом спектакле и работе в нем Чхиквадзе сказаны все хвалебные слова. Сами англичане (!) приняли его с восторгом. Словом, мы были подготовлены, ждали чего-то необыкновенного. И все же...

Мне довелось не раз посмотреть спектакль, и с каждым разом впечатление оказывалось все сильнее.

Как это ни парадоксально, хотелось снова и снова вглядываться в лицо Ричарда, наблюдать, как презрение, страх, злость, страсть поминутно искажают его дьявольские черты, следить, как «играет» его тело, уродливое (без привычного горба), какое-то «корявое»; как в походке, каждом жесте передается — и очень наглядно — его внутреннее состояние. А сколько голосов у этого Ричарда! Страстная хрипотца, беззаботный смех, грубый окрик, животный стон — все идет в ход, все годится в этой смертельной схватке за власть.

Чхиквадзе часто спрашивают, как он работает с режис-

сером, кто придумал тот или иной прием, импровизирует ли он на сцене и т. д.

На такие вопросы отвечать трудно, — говорит Рамаз Григорьевич. — Что касается импровизации, то она, конечно, существует, но лишь на первых спектаклях, когда идет доработка, уточнения, а потом, естественно, устанавливается определенный рисунок, темп, которым ты следуешь в дальнейшем. Другое дело — какой-то спектакль ты сыграешь более азартно, какой-то задается меньше, это зависит от многих причин, порой от тебя не зависящих. Но выхожу я на сцену всегда в полной «боевой готовности», даже если перед началом спектакля чувствовал себя неважно, усталость давила (кстати, сегодня именно такой вечер). На зрителе будто фитилек внутри загорается. Такая наша профессия!

А вот о работе над ролью с режиссером рассказать сложнее, тем более — разложить на составные. По-моему, фраза «режиссер должен умереть в актере» — просто красивые слова. Роберт Стурва, народный артист СССР, наш главный режиссер, с которым мы работаем много лет, «не умирает», живет в моих (да и не только в моих!) ролях. А кто именно придумал, что Ричард будет без горба, а Аздак продемонстрирует бельканто — не важно, важен результат.

Мы работаем вместе, и счастье, что мы со Стурвой понимаем друг друга с полуслова; его язык, стиль, его требования — мне понятны и близки. А ведь Стурва — режиссер сложный, неожиданный, задачи он ставит непросто. Иногда решение находится вдруг, почти случайно, а бывает наоборот — от чего-то выстраданного, выношенного в итоге приходится отказываться.

Я, к примеру, не сторонник архивных исследований при работе над историческим материалом. Нет, конечно, знание эпохи, конкретных обстоятельств и судеб необходимо — но не больше. Главное — первоисточник, в данном случае Шекспир (кстати, весьма свободно распорядившийся историческим материалом). А дальше — фантазия, интуиция, поиск... Только тогда это будет твой Ричард (другое дело, чтобы он оказался интересным и остальным!).

Более тридцати лет назад пришел выпускник Тбилисского театрального института Рамаз Чхиквадзе в театр Руставели, и все эти годы был активным участником его сложного, порой противоречивого творческого пути. Не случайно сегодня именно он олицетворяет главные черты и своеобразие этого ныне прославленного коллектива.

О многом говорили мы в этот вечер.

О работе Р. Чхиквадзе в кино, где есть очень памятные роли, скажем, Лука в «Саженьях», за которую он получил приз на VIII Московском международном кинофестивале. А сниматься у таких режиссеров, как Р. Чхеидзе, Т. Абуладзе, братья Шенгелая, А. Рехвиашвили, Р. Эсадзе — всегда интересно, жаль, времени на кино театр почти не оставляет.

О короле Лире, которого предстоит сыграть на сцене.

С съемках многосерийного телефильма «Дон Кихот» (режиссер Р. Чхеидзе), где он снимается в роли священника Переса.

Об отношении к критике, прессе (считаю, сказал Рамаз Григорьевич, что критика может быть не очень блистательной в литературном отношении, но обязана быть предельно честной, без оглядки на должности и авторитеты).

О предстоящих гастролях в Австралию и Новую Зеландию...

Но был один вопрос, который я так и не задала: «Как народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР и республиканских премий Рамаз Чхиквадзе относится к своей славе?».

Просто к этому времени я уже знала, что Чхиквадзе за месяц гастролей сыграл в Свердловске 26 спектаклей, что в день спектакля (а значит, почти ежедневно) он после обеда отдыхает (обязан!), что после гастролей полетит в Москву доснять в фильме и что с журналистом может встретиться только на час...

Вы поняли, наверное, почему я не задала этот вопрос...

Э. АБАЙДУЛЛИНА.

НА СНИМКЕ: народный артист СССР Рамаз Чхиквадзе.

Фото В. БОРИСОВА.

